ГРИЗЛИ
Лина Вей

Лина Вей

Гризли

«Автор»
2026

Вей Л.

Гризли / Л. Вей — «Автор», 2026

Ровно три недели в году в юконской долине не темнеет по ночам. Три недели, когда солнце не заходит за гребень, а озеро стоит изумрудным зеркалом и кажется, будто мир создан только для тебя. Четверо приехали именно за этим: хариус на рассвете, гитара у костра, купание нагишом в чёрной воде.Они не заметили табличку на развилке — жестяную, выцветшую, со словом «гризли».А в долине третью неделю не ел тот, кто больше не мог охотиться.Капкан оставил в её пасти осколок вместо клыка. Двадцать лет люди кормили её со своей помойки — а потом уехали и забыли. И вот в самое длинное лето к старой медведице пришло нечто страшнее голода: понимание. Человек — это еда. Мягкая. Медленная. Приходит сама.

© Вей Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Тот, кто нашёл рюкзак 5
Глава 1. Дорога 7
Глава 2. Озеро 11
Глава 3. Лагерь 15
Глава 4. Рыбалка 18
Глава 5. Нагишом 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Лина Вей
Гризли

Пролог. Тот, кто нашёл рюкзак

Старик Сэм проснулся до рассвета, как всю жизнь, — не от будильника, а от того чувства в костях, которое у таёжников заменяет часы. Река шумела ровно, по-июньски, а в окне стояло серебристое освещение, которого на Юконе в конце июня не бывает ночью, — потому что ночи тут попросту нет. Небо светилось, как экран под лампой с абажуром, и на этом свету Сэм долго лежал, глядя в потолок, и думал, что надо бы проверить ставку на дальнем берегу. Давно не проверял. Раз в неделю собирался — и всё откладывал.

Ставка стояла ниже по Пелли, за излучиной, — до безымянного озера отсюда было километров десять. Рыбы в реке и так хватало: закидушка да спиннинг кормили нормально. Но Сэм любил ездить к дальнему берегу — туда, где река делала тихую излучину и на песчаной косе вода сама гнала рыбу в плетёный коридор. Сорок лет назад эту ставку показал ему старый дед Томас, а тот, говорят, перенял её от кого-то ещё. Ходил Сэм туда не столько за рыбой, сколько за тишиной — за чувством, что на этом берегу его, старика, никто не ждёт и никто не торопит.

Собирался он неторопливо, по привычке, не включая лишний раз голову. Термос с чаем. Ломоть хлеба в пакете. Топорик под носовой банкой — не для дела, так, по привычке. Лодку оттащил к воде, отвязал пса, влез, оттолкнулся. Мотор был старенький, «Ямаха», заводился с третьего раза, но Сэм его не менял и не собирался: эта лодка и этот мотор пережили двух жён, три наводнения и одну большую оттепель, до которой ему, в общем-то, было дела мало.

Река несла мутноватую, тёплую к утру воду. По берегам стояла чёрная ель — тёмная ровная стена, а над ней вполголоса перекрикивались кулики. Где-то далеко хлопнуло: то ли ветка, то ли бобёр. Сэм принюхался. В воздухе висел запах реки, ила, прелой травы — и что-то ещё, чего он не мог назвать. Как будто по берегу недавно прошёл зверь и оставил после себя не след, а сам запах. Сэм пожал плечами. В июне здесь всякое бродит.

Дальний берег он узнал издалека — по одинокой берёзе на косе, согнутой, будто кланяющейся. Подошёл, заглушил мотор, вытащил лодку носом на песок. Пёс выскочил первым, понюхал, обвёл глазами берег — и вдруг сжался, присел, прижал уши и юркнул обратно, спрятавшись за ногу старика.

— Чего ты? — спросил Сэм.

Пёс не ответил. Псы вообще редко отвечают, но тут ему было нечего и сказать: он просто отказался идти дальше по песку — и это был ответ.

Сэм пошёл к ставке один.

Коса выходила из воды длинной белой лентой, и на ней, на самом песке, среди коряг и старых брёвен лежал рюкзак.

Сэм остановился шагов за десять и долго стоял, не двигаясь, — как останавливаются охотники, когда зверь где-то рядом и его лучше не спугнуть. Только рюкзак не был зверем. Рюкзак был рюкзаком — современным, оранжево-чёрным, из тех, что везут сюда парни на машинах с номерами не здешних краёв. И рюкзак был раскрыт.

Он подошёл.

Рюкзак опустел — не «был пуст», а именно опустел, так, как опустеть может только то, что вывернули наизнанку. На песок высыпалось всё: бутылка с примятой пробкой, фонарик без крышки, карта, мятая и свёрнутая как попало, чёрная тряпка — Сэм потянул за неё и понял, что это балахон, порванный по шву. Сам рюкзак был изрешечён с одного бока: не порезан, не разодран — именно изглодан, смят, как будто по нему прошлась тяжёлая мясорубка с

большими зубами. Из бокового кармана свисал лоскут стропы. На ткани — две тёмно-бурые рваные полосы, впитавшиеся внутрь. Сэм тронул их пальцем — высохли. Не свежие.

Он обернулся.

От рюкзака в лес уходила борозда. Не тропа — след, протянутый через песок и траву, широкий, как будто по берегу волокли бревно. Трава по краям была заломлена, местами выдернута с корнем, а на песке отпечатались — и Сэм увидел их, и у него похолодело в желудке, — отпечатались лапы. Огромные. Пять пальцев, длинные когти, отпечаток больше его ладони с растопыренными пальцами. Один след — второй — третий. Лапы шли вразнобой, то криво, то с прыжком, и там, где зверь останавливался, песок был взрыт и перемят.

След уходил в ельник — и не кончался. Сэм прошёл вдоль борозды шагов двести, и след не пропадал: его просто проглатывал лес, а там, внутри, между стволов, был тот же песок, та же трава и тот же зверь, который тащил свою добычу куда-то к себе.

Сэм посмотрел на рюкзак. Посмотрел на лес. И сделал единственное, что умел делать всю жизнь: не полез туда, куда не надо.

К лодке он вернулся молча. Пёс сидел на песке, сжавшись, и смотрел туда же, куда смотрел Сэм. Рюкзак Сэм сложил в корму — осторожно, как складывают то, что чужое, — и оттолкнулся. Обратный путь прошёл на самом малом ходу, и мотор ни одной песни в этот день не гудел.

Глава 1. Дорога

— Так, внимание, экипаж! Капитан корабля объявляет: топливо — есть, еда — есть, навигатор — обделался, потому что говорит, что до точки назначения восемьдесят два километра по грунту, и это его расстраивает. Его проблемы. Плывём!

Итан стукнул ладонью по рулю, и старая «Тойота-Сиенна» проснулась, дрогнула всем кузовом и поехала. Печка в салоне не работала года три, магнитола держалась на честном слове и на двустороннем скотче, а заднее стекло изнутри украшала наклейка с медведем — купленная когда-то отцом Хлои, ещё до того, как Итан получил права. Зато ехала эта развалина. Ехала всегда.

Уайтхорс отстал минут двадцать назад. Теперь дорога была пустая, гладкая, двухполосная, и по обе стороны тянулась тайга — бесконечная, зелёная, светлая на просвет, как будто её краем подсветили изнутри. Июнь. На Юконе в июне свет особенный — не вечерний, не утренний, просто белый день, который не собирается заканчиваться.

— Налегке так поехали, — заметила Кэйси с заднего сиденья. — У нас там на неделю еды? Может на месяц?

— На случай ядерной войны, — гордо ответил Итан. — Если народ переживает апокалипсис — пусть ищет наш лагерь. У нас тушёнка, гречка и льняные семечки, которые Джейк купил, потому что решил, что они «для здоровья». Их никто не ест. Они переживут ядерную зиму вместо нас.

— Они, кстати, полезные, — отозвался Джейк с переднего сиденья. Он сидел развалясь, кроссовок на панели, и вертел в пальцах карту — бумажную, настоящую, купленную в туристическом центре, потому что «это атмосферно». — В них омега-три.

— В них древняя пыль, — сказал Итан.

— Омега-три, — повторил Джейк.

— Древняя. Пыль.

— Господи, — сказала Хлоя. Она сидела у окна, рядом с Кэйси, и уже минут десять снимала из окна на телефон: то тайгу, то обочину, то собственные колени. — Вы влюблённая пара или старая супружеская? Не могу определить.

— Старая, — сказал Итан. — Мы поженились на гречке.

— На тушёнке, — поправил Джейк.

Кэйси засмеялась, но недолго — она смотрела в боковое окно, на дорогу, и на самом деле не смеялась уже пару минут. Хлоя заметила это краем глаза и убрала телефон.

— Ты чего? — спросила она негромко.

— Да так, — Кэйси пожала плечами. — Красиво тут. Слишком даже. Никого. Полторы сотни километров — ни заправки, ни домика, ни столба. Как будто мир кончился, а мы не в курсе.

— Так в этом и фишка, — Джейк обернулся с переднего сиденья. — Никого. Озеро. Рыба. Неделя. Через шесть дней вернёмся другими людьми, — с его слов, — он мотнул головой на Итана, — просветлёнными.

— Я просветлённый и сейчас, — сказал Итан. — Вот прямо сейчас. Смотри, — и он издал звук, который издал бы, наверное, буддийский монах, если бы ему довелось ехать на старом минивэне мимо придорожного туалета.

Хлоя рассмеялась в голос. Кэйси — тоже, и что-то в ней отпустило.

Дорога пошла вниз, к реке: Клондайкское шоссе шло вдоль неё длинной лентой, и на секунду в просвете между елей блеснула вода — широкая, зелёно-серая, ленивая. По правую сторону замелькали столбики, потом табличка на синем фоне — про километры, потом ещё одна, жёлтая, с силуэтом оленя. Хлоя вытянула шею.

— А я всё думаю, — сказала она, — вот там, за лесом — что? Просто лес? Сотни километров леса? И там никого и никогда?

— Там есть кто-то, — сказал Итан. — Просто он не ставит столбики. И вообще он молчаливый парень. Ты бы поладила.

— Кто?

— Ну там всякие. Лоси. Бобры. Ну и… — он пошевелил пальцами, изображая что-то большое. — Понятное дело.

— Медведи, — сказала Кэйси спокойно. — Там по бумагам медведей много. Гризли в основном. — Она не сказала это драматично, просто как человек, который читал. Отец её всю жизнь ходил в тайгу, и Кэйси с детства знала: медведь на Юконе — это не страшилка и не аттракцион, это просто часть жизни, как клещи и плохая связь.

— Я вот однажды медведя видел, — продолжил Итан. — Мамой клянусь. Лет мне было десять. Мы с отцом на речке стояли, он ловит, я в песке ковыряюсь. И смотрю — напротив, за рекой, на галечнике сидит. Ну, сидит — как сидит гора. Просто гора, которая дышит. Отец говорит: не дыши. А я и так не дышал, у меня уже всё стыло. И он посмотрел на нас — вот так, — Итан изобразил взгляд, и Хлоя хихикнула, — секунд пять. Потом встал и ушёл. Просто ушёл, как будто понял, что за публика тут собралась, и решил не тратить время.

— А отец что?

— Отец сказал: «Идём, сынок, у него сегодня хорошее настроение». Мы ушли, — Итан развёл руками, — и не спрашивай, что было бы, окажись у него настроение не «хорошее».

— Он не пытался напасть? — спросила Хлоя.

— Медведи редко нападают просто так, — вставила Кэйси. — Обычно это или самка с детёнышами, или зверь, который уже с голоду у самого края. Тогда да — тогда он не боится ничего. Но это редко.

— Ну вот, и хорошо, — Джейк махнул рукой. — Мы не самки с детёнышами и не голодный зверь. Значит, все живы. Следующий вопрос.

Он сказал это легко, шутя, и все рассмеялись, и Хлоя снова потянулась телефоном к окну — за кадром дороги, за кадром тайга, которая уходила и уходила, бесконечная, тёмно-зелёная, спокойная. Если бы она знала потом, что будет смотреть это видео — будет, и не один раз, — она бы сняла тогда что-то ещё. Но она не знала. Никто из них не знал, и в этом, наверное, и была вся милость того дня.

Часа через полтора Итан свернул с трассы.

— Всё, сворачиваем, — объявил он, крутя руль. — Культурная программа начинается. Дамы, попрошу пристегнуть воображаемые ремни.

— Ты уверен, что это здесь? — спросил Джейк, разглядывая поворот. В сторону уходила грунтовка — не то чтобы совсем дикая, накатанная, но старая, с колеями, из которых местами торчали старые трубы, а через колею перебегали ручьи. По обочинам стояла трава по колено.

— Уверен. Мужик в туристическом центре говорил: прямо до реки Пелли, потом по старой дороге вдоль неё, километров двадцать — и там развилка, от развилки налево, и дальше — безымянное озеро. Говорит, никогда там туристов не встречал. Вообще никогда.

— Круто, — сказала Хлоя.

— Да ну, — сказала Кэйси.

Все обернулись.

— Да ничего «да ну», — Кэйси пожала плечами. — Просто… — она посмотрела на грунтовку. — Там же никого вообще. Если что-то случится — никто не приедет. Связи там нет, ты говорил, да, Джейк?

— Спутниковой связи нет, — подтвердил Джейк легко. — Сотовой тоже. Мы идём в офлайн, детка. Неделя в офлайне. Это и есть отпуск.

— Маяк же есть, — Итан дёрнул подбородком в сторону бардачка. — Спутниковый. Папа подарил. Нажимаешь кнопку — сигнал на орбиту, орбита — людям. Хоть с того света закажи спасение.

— Покажи, — сказала Хлоя.

Итан на ходу (Кэйси охнула) открыл бардачок, выудил оттуда небольшой прибор в оранжевом пластике — размером с книгу, потёртый, с одной кнопкой под защитной крышечкой.

— Один, — сказал он. — Кнопка. Нажимаешь — и всё. Спутник видит. Он старенький, но рабочий, папа проверял в мае. Продаю за миллион, с бонусом — на нём ещё наклейка с моей университетской вечеринки.

— Он вообще-то тяжёлый, — заметила Кэйси.

— Он надёжный, — сказал Итан. — И тяжёлый. Поэтому он и надёжный.

Он сунул прибор обратно в бардачок, захлопнул его — и минивэн, качнувшись, съехал с асфальта на грунт.

Загрохотало. Задняя подвеска у машины давно не знала жалости, и теперь она выдавала всё: трясло так, что Хлоя чуть не выронила телефон, Кэйси схватилась за ручку, Джейк рассмеялся и сказал:

— Всё, девочки. Конец цивилизации. Дальше только мы.

Минивэн пополз по грунтовке между елей. Дорога была старая — когда-то по ней, наверное, возили лес или что-то ещё, теперь она зарастала: по краям лезла карликовая берёза, колея местами затягивалась мхом, и машина шла по ней неторопливо, покачиваясь, как лодка. В окнах мелькали стволы — чёрная ель, тёмная, прямая, — и между ними иногда проглядывало небо, а иногда — просто дальние ели. Лес стоял плотно, по обе стороны, без просветов.

— А что это за столбик? — спросила Хлоя, когда дорога сделала первый поворот.

На развилке, у самой дороги, стоял щит — фанерный, серый от дождей, с прибитой поверху табличкой. Что было на нём, разобрать на ходу было сложно: надписи выцвели, краска облезла.

— Реклама, — сказал Итан.

— Продают ягель, — сказал Джейк.

— Это про медведей, — сказала Кэйси, но сказала уже на автомате, не вглядываясь, потому что разговор уже ушёл дальше: Итан включил музыку, и из скотчем приколоченных динамиков хлынуло что-то лёгкое, летнее, и Джейк крутил ручку громкости, а Хлоя стучала ладонью по коленке, и это была последняя секунда, когда в этой машине кто-то вообще думал про табличку на развилке.

Минивэн прошёл развилку, свернул налево и уехал в лес.

К озеру они добрались в девятом часу вечера, когда солнце уже висело невысоко и всё вокруг было залито золотым. Дорога кончилась раньше, чем они предполагали, — просто оборвалась на полянке, заросшей чем-то мягким, и дальше был только лес и просвет воды за ним.

— Всё, — сказал Итан, заглушая мотор. — Приплыли. Смотрим.

Они вышли из машины все разом, как дети, — даже Кэйси, хотя она стеснялась своей нетерпеливости. Прошли шагов двадцать по тропке — и остановились.

Озеро лежало внизу, в чаше между склонов. Оно было изумрудное — не метафорически, а по-настоящему: вода просвечивала до песчаного дна у берега и дальше темнела, густея к центру, как бутылочное стекло. По противоположному склону поднималась чёрная ель — ровная, тёмная, без единой проплешины, а внизу, у воды, её отражение шло по воде почти до самого берега. Не было ни ветра. Вода стояла, как налитая в блюдце.

И не было никого. Ни лодки на воде. Ни тропки на другом берегу. Ни гула машины, ни голоса, ни птицы городского вида. Только кулики где-то перекрикивались высоко, вяло, и от этого казалось ещё тише.

— Господи, — сказала Хлоя. — Господи. Это же. Господи.

— Философ, — заметил Итан.

— Заткнись, я не умею по-другому.

Джейк стоял рядом, руки в боки, и улыбался — так, как улыбаются человеку, который только что выиграл спор, даже если спор не был заявлен.

— Ну? — сказал он. — Я же говорил.

— Ты говорил, — согласилась Кэйси.

И она посмотрела на озеро ещё раз — внимательно, как будто проверяя что-то, — и в этот раз ничего не нашла, о чём можно было бы сказать. Вода была красива. Лес был красив. Воздух пах хвоей, водой и мхом, нагретым солнцем, и пахло это сильно и свежо, как нигде в городе.

— Ладно, — сказала она, и голос её потеплел. — Ладно. Красиво.

— Красиво, — согласился Джейк, и на секунду они оба просто стояли и смотрели вниз, на воду, плечо к плечу, а Хлоя — она уже достала телефон и снимала — поймала в кадр их двоих: Джейка, разгорячённого дорогой и счастливого, и Кэйси, у которой впервые за весь день было спокойное лицо.

— Это в дневник похода, — объявила Хлоя. — День первый. Четыре идиота доехали до конца мира. Всё живы. Настроение боевое.

— Дневник похода, — повторил Итан и уставился вдаль, как в картину. — Я тогда уже записываю, что на следующий год вернёмся сюда же. Обязательно. Эта формулировка теперь историческая.

— Вернёмся, — сказал Джейк легко и обнял Кэйси за плечи. — Столько раз вернёмся, что надоест.

Глава 2. Озеро

Тропа вниз шла, петляя по мягкой хвойной подстилке, и Хлоя спускалась по ней так, как спускаются люди, которым сначала не поверили, а потом подтвердили: было красиво — и оно и вправду было.

— Стойте, — сказала она в третий раз. — Стойте. Я снимаю.

— Ты снимаешь всё, — сказал Итан, не оборачиваясь. Он нёс на спине здоровенный рюкзак с палатками и уже нёс его так, как носят рюкзак на четвёртом часу ходьбы, — с ненавистью. — Ты сняла тропу. Ты сняла корягу. Ты сняла корягу с двух ракурсов. Коряге будет приятно.

— Это не коряга, это корневой выворотень, — сказала Хлоя. — И он древний. Наверное. Я не ботаник, я эстет.

— Выворотень, — уважительно повторил Джейк сзади. Он нёс два рюкзака сразу — свой и Кэйсин, хотя Кэйси возражала, возражала вяло и уже сдалась. — Хорошее слово. Запомню и буду вставлять.

— Куда вставлять?

— В разговоры. В речи на свадьбах.

— На чьих свадьбах?

— Неизвестно. Может, на наших.

Кэйси шла впереди и молчала. Она шла первой — сама попросила, — и, пока другие разговаривали у неё за спиной, смотрела не под ноги, а в стороны: на ели, на тень, на просветы между стволами. Потом остановилась.

— Так, — сказала она. — Всё.

Она стояла на краю берега — на полосе чистого песка, за которым начиналась вода. Издалека она казалась изумрудной, а вблизи была просто тёплой июньской водой: прозрачной, на мелководье — до песчинок, дальше — темнеющей в глубину. У берега в воде стояли две коряги, белые, вымытые, и вокруг них мелко крутилась рыба — стайки, тени, серебристые росчерки.

— Ну что, — сказал Итан, опуская рюкзак на песок с таким звуком, с каким падает рюкзак. — Официально заявляю: мы первые люди на этой земле.

— Мы не первые, — сказала Кэйси.

— В смысле?

— В смысле — смотри. — Она указала на песок. Ближе к урезу воды темнели следы: старые, размытые дождями, но следы — и отпечатки подошв, ботинок, кед, разных размеров, и что-то ещё, тяжёлое, круглое, с когтями, — но старое, размытое, полузасыпанное. И кострище. Замусоренный круг камней, в центре — чёрное от старого огня. И дальше по берегу — ещё одно. — Люди здесь были. Не раз.

Итан посмотрел на следы. Пожал плечами.

— Ну, рыбаки. Лет десять назад. Это не считается.

— Почему не считается?

— Потому что мы здесь сейчас, а их нет. Древний закон.

Кэйси не ответила. Она стояла и смотрела на противоположный склон — на тот самый чёрный, ровный ельник, который с горы казался бархатом, а вблизи был просто лесом, тёмным, плотным, непроходимым на вид. Потом посмотрела вдоль берега — влево, где берег загибался за выступ скалы и терялся. Потом вправо, где песок тянулся к зарослям карликовой берёзы.

— Слишком тихо, — сказала она.

— Чего? — Хлоя обернулась от воды.

— Тихо. Слушайте. — Кэйси подняла палец. Все замолчали и прислушались. — Вот. Ничего. В городе всегда что-то: машины, трубы, сосед, самолёт. Тут — ничего. Полная тишина. Это ненормально.

— Это нормально, — сказал Джейк. — Это называется «тайга».

— В тайге не тихо, — сказала Кэйси. — В тайге никогда не тихо. Там всегда что-то шуршит, перекрикивается, падает. Птицы, белки, ветер в кронах. А тут — тишина, как в комнате, когда все вышли.

— Ну и что это значит, по-твоему? — спросил Итан, но спросил не зло — так, с любопытством.

— Не знаю, — сказала Кэйси и пожала плечами. — Ничего, наверное. Просто отметила.

Она отвернулась к воде — и разговор, как это бывает, ушёл дальше без неё: Итан уже шагал с рюкзаком вдоль берега, выбирая место под палатки, Джейк разматывал спальники, Хлоя сняла обувь и стояла босыми ногами на урезе, и вода, которую она ждала все сто пятьдесят километров дороги, оказалась ледяной.

— Ай-ай-ай-ай, — сказала Хлоя, отдёргивая ногу. — Кто придумал, что это вода. Это не вода. Это жидкий лёд. Это вода с того самого ледника, я видела его из окна.

— В июне тает, — сказал Джейк, не поднимая головы. — Озеро проточное, ледниковое. Оно недели три как отошло от зимы.

— Ты зря нахвастался, — сказала Хлоя. — Вода с ледника. Спасибо, теперь я вообще не буду купаться.

— Будешь, — сказал Итан издалека, из-за коряг, где он уже мерил шагами берег. — Тут купаться обязательно. В такой воде купаются только смелые, а мы смелые. Это буквально было в плане поездки.

— В плане поездки было купание без одежды, — уточнила Хлоя. — Это, между прочим, две разные степени смелости.

— Начнём с первой, — сказал Итан. — Дальше — само.

Пока парни таскали вещи, Хлоя ходила вдоль берега.

Она ходила и снимала: воду — крупно, так, чтобы было видно дно; камни на берегу — мокрые, тёмные, блестящие; ель — снизу вверх, панорамой, поворачиваясь на месте; закат — закат уже начинался, солнце шло по западному краю долины, низко, и вода окрасилась в жёлтое. Потом она наткнулась на вертикальный предмет, торчащий из песка на вытянутую руку от уреза.

Это был столбик. Обструганный, высотой по колено, срезанный сверху, потемневший от времени — и обвязанный. Вокруг столбика, чуть выше песка, было привязано — провисло, вытерлось, но привязано — что-то похожее на верёвку. На верхушке кто-то когда-то вырезал две поперечные зарубки.

— Эй, — сказала Хлоя. — Смотрите, что это.

Подошли все.

— Вешка, — сказал Джейк сразу, уверенно. — Рыбацкая. На неё крепят, — он запнулся, соображая, — ну, сетку. Закидушку. Чтобы видеть, где стоит.

— Зачем зарубки?

— Отмечать что-то. Глубину, может. — Джейк посмотрел на столбик внимательнее, потом по сторонам: вдоль берега, шагах в двадцати, стоял ещё один такой же. И ещё один, дальше. — Цепочка. Кто-то тянул тут по берегу что-то длинное.

— Сеть, — сказал Итан. — Кто-то браконьерил. Ставил сеть вдоль берега — вот и вешки, чтобы найти, где тянуть.

— Браконьерил или ловил, — сказала Кэйси. — Тут никто не проверяет. Может, местные ловили себе.

— Погоди, — Хлоя нахмурилась. — То есть тут кто-то жил? Вообще кто-то?

— Кто-то да жил, — сказал Итан. — Смотри: кострище было, столбики были, следы были. Тут жили люди. Ну и что? Здесь вся тайга когда-то кем-то жила. Дальше на север — старатели, дальше на юг — тоже старатели. Все эти старатели перерыли тут всё, а потом разъехались. Это нормально.

— А куда они разъехались?

— Домой. Как и мы — через шесть дней.

Это вышло у него легко, буднично, Хлоя кивнула — и разговор закрылся. А Кэйси стояла и смотрела на столбик ещё секунды три — на те две зарубки на верхушке, ровные, старые, — потом отвела глаза и пошла к палаткам.

К вечеру лагерь встал.

Палатки — три: одна побольше, парная, для Джейка и Кэйси, и две маленькие, для Итана и Хлои. Кострище расчистили на песке, в отдалении от елей, и обложили камнями. Рядом расстелили кусок брезента — «кухня»: горелка, котелок, продукты в двух мешках, вода в четырёх пятилитровых канистрах, набранных по дороге. Всё это стояло у кострища.

— Так, — сказал Джейк, когда всё было готово, и встал в позу, в которой встают люди, когда объявляют правила. — Внимание, лагерь. Правила простые: еда — у костра, всё — у костра. Никакой еды в палатках. Никаких чашек с остатками в палатках. Утром — всё в мешки, мешки — в машину, машину — закрываем. Всё.

— А почему еда в машине? — спросила Хлоя.

— Потому что машина закрытая, а палатка — нет. Если ночью придёт кто-то с лапами — пусть ковыряет железку, а не нас.

— Ну ты прям как мой отец, — сказала Кэйси.

— Я взрослый, я обязан.

— Ты не взрослый, ты просто самый наглый, — сказала Хлоя, и все засмеялись, и Кэйси тоже — потому что, в конце концов, он говорил правильные вещи.

Ужин варился долго, и за это время небо сделало то, чего Хлоя не видела никогда: солнце прошло низко над склоном, коснулось его, не село — и застряло там, на самом горизонте, светя вбок, вдоль земли, и весь мир наполнился длинным золотым светом. Было почти одиннадцать вечера, и было светло, как в шесть утра.

— Это же не ночь, — сказала Хлоя.

— Здесь в июне ночь — условность, — сказал Джейк. — Час сумерек. Потом светлеет. Привыкнешь.

— Я не хочу привыкать. Я хочу, чтобы это всегда было.

Они ели гречку с тушёнкой, и это было вкусно — так, как бывает вкусно только на воздухе, после дороги, после рюкзаков, — и Итан объявил, что это лучшая гречка в его жизни, и Хлоя сказала, что он так говорит про каждую гречку, и он сказал: а это потому, что все гречки в моей жизни лучшие.

Потом был чай. Потом — гитара, которую Итан всё-таки притащил (никто не верил, что он это сделает, а он притащил), и три песни, две из которых все знали, а одну — только он. Потом Хлоя встала, подняла телефон над лагерем, над огнём, над палатками, над всей этой золотой, светлой, тихой картиной — и записала.

— Дневник похода, — сказала она. — День первый. Вечер. Все живы, все сыты, Итан убил три песни и одну струну. Джейк поставил палатки криво, но красиво. Кэйси говорит, что тут слишком тихо. Я думаю, Кэйси просто из города. В общем — идеально. Всё идеально.

— Убери «Кэйси говорит», — сказала Кэйси.

— Нет. Дневник — документ.

— Убери.

— Ну ладно, уберу, — сказала Хлоя и не убрала.

Легли поздно — по местным меркам, наверное, в полночь, хотя никто не смотрел на часы, потому что часы здесь ничего не значили. Джейк и Кэйси ушли в свою палатку первыми. Хлоя заснула быстро, по-молодому, как засыпают люди, которые весь день дышали воздухом, — и в полусне ещё слышала, как Итан, сидевший у догорающего костра, что-то тихо бормотал под нос — то ли слова, то ли просто так, — и как вода у берега шуршала мелкой галькой, и как всё это в конце концов слилось в один звук, в одно большое тёплое ничто.

А Кэйси не спала.

Она лежала в темноте — полной, глухой, — и смотрела в потолок палатки, серую ткань в полуметре над лицом. Джейк спал рядом. Снаружи было тихо. Совсем тихо — так, как она никогда не слышала: ни ветра в кронах, ни птиц, ни шорохов. Только далеко-далеко, раз в несколько минут, в лесу что-то хрустнуло — коротко, глухо — и замолчало. Потом ещё раз. Потом ничего.

«Сук упал, — сказала себе Кэйси. — Бобёр. Мышь. Кто угодно».

Она лежала и слушала.

Больше не хрустнуло.

Глава 3. Лагерь

Утро началось с того, что Хлоя вылезла из палатки первой, посмотрела на озеро и снова сказала «господи» — уже без восторга, скорее как констатация: господи, оно всё ещё здесь, и оно всё ещё красивое.

Было около восьми — по-юконски светло, как в полдень. Вода стояла гладкая, дымка над дальним берегом только-только расходилась, и воздух пах мокрой хвоей и углями: Итан с вечера засыпал кострище, но угли под слоем золы дышали, и к рассвету от них остался ровный тёплый багровый пятачок.

— Кофе, — объявила Хлоя вслух, никому. — Мне нужен кофе. Иначе я не человек.

— Ты не человек и с кофе, — сказал Итан из своей палатки. Голос у него был заспанный и ватный. — Ты — существо.

— Заткнись, существо. Ты и спать не умеешь по-взрослому.

— Я спал. Я просто охранял лагерь. — Итан вылез, потянулся так, что хрустнуло, и посмотрел в сторону Джейкиной палатки. — А вот шеф ещё спит. Шеф всегда спит. Шеф на отдыхе.

Джейк вылез через минуту — уже бодрый, в кроссовках, с расчёсанными волосами, как будто не ночевал в палатке, а приехал на совещание.

— Так, — сказал он. — Доброе утро, лагерь. Есть новость. Этой ночью я всё продумал, и у меня есть план, как сделать лагерь правильным.

— Мы уже поставили лагерь, — заметила Кэйси, выбираясь из палатки следом за ним. Волосы у неё были растрёпанные, лицо сонное — и она всё равно успела посмотреть в сторону леса, дальше по берегу, прежде чем заговорить. Привычка. — Вчера. Он стоит. Он хороший.

— Он стоит криво, — сказал Джейк. — Слушай сюда. Вчера мы ставили в темноте, кто где успел. А надо по уму. Смотри, — он ткнул носком кроссовка в песок, чертя. — Вот спальные палатки. Они стоят вот тут. А кухню я предлагаю перенести вон туда.

Он указал вдоль берега — туда, где песок переходил в ровную площадку, прикрытую от ветра скальным выступом.

— Это ж метров двадцать, — сказала Хлоя.

— Так и надо. Правило тайги: кухня — отдельно от спальни. Чтобы ночью, если кто-то шуршит у еды, он шуршал не у твоей головы. Я вчера читал, — сказал он это с гордостью человека, который читал, — в одном канадском справочнике. «Убирайте еду подальше от спального места». Всё по науке.

— Ага, — сказал Итан. — А ещё в этом справочнике написано, что еда должна висеть на дереве в контейнере, а не лежать в палатке. Я тоже читал. Мы читали один справочник, Джейк, но разошлись в трактовках.

— Ну вот, — сказала Кэйси негромко.

— Что «ну вот»? — Джейк обернулся.

— То и «ну вот». Ты сейчас сам сказал: еда — отдельно. А планируешь — как?

— Еда будет в моей палатке, — сказал Джейк легко. — В той, что побольше. Она двойная, там места полно, мешки встанут свободно. И удобно: утром встал — завтрак рядом. Не надо топать двадцать метров по холоду.

— В палатке, — повторила Кэйси. — Еда, запахи — в палатку, где спят люди. Джейк, ты же сам сейчас читал, что нельзя.

— У нас контейнеры, — Джейк пожал плечами. — Закрытые, герметичные. Мешки в мешках. Что туда залезет — сурок, что ли? Он замок вскроет?

— Не сурок.

— А кто?

— Джейк, — Кэйси вздохнула. Она не хотела этого разговора — было видно, что не хотела, что разговор ей уже надоел до того, как начался. — Мой отец всю жизнь ходил в тайгу. Двадцать лет вояжей, я не знаю, сколько. И я с детства слышала одно и то же: еда — в машине или на дереве. Никогда — у спального места. Никогда. Он рассказывал, как у них в лагере медведь вскрыл палатку, где лежали консервы. Ночью. Палатка была занята. Люди успели выскочить — просто потому, что услышали, как он рвёт ткань. В следующий раз они могли не услышать.

— Ну у нас же не будет медведя в палатке, — сказал Джейк. — Потому что у нас еда в контейнерах, а не россыпью. Видишь, как всё сходится?

— Это не сходится. Это одно и то же, только ты уверен, что правило не для вас.

— Кейс, — Джейк засмеялся. Смеялся он легко, беззлобно — и тем обиднее было, что он смеялся. — Ты у нас как тётя из детсада. «Не сиди на холодном, не ешь песок». Мы взрослые люди, мы в отпуске, никто тут по палаткам лазить не будет. Серьёзно. Тебе надо отдыхать, а ты с самого утра — правила, справочники, медведи.

— Я не про медведей, — сказала Кэйси. Голос у неё дрогнул — чуть-чуть, на пол-ноты. — Я про то, что есть правила, которые придумали не я. Их придумали люди, которые в этой тайге жили. И которые думали о том, о чём мы не думаем.

— О чём же?

— Я не знаю. О том, что бывает здесь в июне, например.

— Июнь прекрасен, — сказал Итан в полную тишину, и Хлоя фыркнула, и напряжение лопнуло.

— Ладно, — сказал Джейк. — Голосуем. Кто за то, чтобы кухня стояла вон там, у скалы, а еда — в палатке? — Он поднял руку сам, первым. Итан поднял следом — он всегда голосовал за Джейка, это было как дышать. Хлоя посмотрела на Кэйси. Кэйси сидела на бревне и смотрела в песок.

— Хло, — сказал Джейк.

— У меня палатка маленькая, — пробормотала Хлоя. — Мне мешкам влезать некуда. Я за контейнер у костра, если это не сложно.

— Два против одного, — объявил Итан. — Формально ты выиграл, Джейк. По факту — проиграл. Требуй пересчёт.

— Кухня переносится, — Джейк хлопнул в ладоши и, не сдаваясь, оставил при себе слово «палатка» — по крайней мере, вслух. — Погнали. Итан, бери горелку. Хлоя — котелки. Кейс… — он посмотрел на неё, и лицо его смягчилось, потому что он всё-таки любил её и видел, что она обиделась, — Кейс, не дуйся. Твоя правда в чём-то, ладно? Кухня будет отдельно. Я услышал. Просто с палаткой ничего не случится: у нас всё закрыто, честно.

— Я не дуюсь, — сказала Кэйси.

— Ты дуешься.

— Это не слово.

— Это теперь слово. Я его только что придумал.

Кэйси уголком губ всё-таки улыбнулась — против воли, как улыбаются, когда хочется остаться обиженным, — и встала с бревна. Но потом, когда все уже пошли к кухне, она остановилась, взяла Джейка за рукав.

— Просто, — сказала она тихо, чтобы слышал только он, — не ставь палатку с едой. Хочешь — в машину, хочешь — на дерево, хочешь — под скалу, но не у головы. Умоляю.

— Ну ты чего, — сказал Джейк. — Твой папа, тётя из детсада… Кейс, это озеро, а не дикая глушь. Мы в двадцати минутах от машины. Всё будет нормально.

Он сказал «нормально» — и в этом слове было столько уверенности, столько спокойного, равнодушного, красивого мужского «нормально», что Кэйси отступила. Она не поверила ему

— она уже знала про эту уверенность то, что знаешь про привычное: её не оспоришь, её можно только переждать.

— Ладно, — сказала она. — Но если я скажу «я же говорила», я это буду говорить до конца жизни. Каждое Рождество. По телефону твоей маме.

— Зверство, — сказал Джейк. — Пойдём.

Кухню переносили всем лагерем.

Итан таскал брезент, Джейк — ящики, Хлоя несла котелки стопкой, стуча ими друг о друга, как колокольчиками, и объявила это «музыкой переселения народов». Кэйси несла канистры с водой — по одной, честно, до пота на лбу, хотя Джейк дважды говорил ей: «Дай я». Она не давала.

Место под скалой оказалось хорошим — Джейк умел находить хорошие места. Ровная площадка, скала с одной стороны прикрывала от ветра, до воды — шагов двадцать, удобно таскать воду. Поставили горелку, развесили брезент, сложили ящики. Внизу блестело озеро, и Хлоя сказала, что теперь у них кухня с лучшим видом в Северной Америке, — и это тоже было правдой.

А потом они жили этим днём: собирали хворост, чинили брезент над кухней, Итан нашёл плавник и был счастлив, Хлоя купалась — по колено, с визгом, не глубже, — и к вечеру лагерь встал окончательно, по-настоящему: три палатки внизу у песка, кухня — под скалой, в двадцати шагах, кострище — посередине. И всё это было устроено так уютно, так обжито, что казалось: тут всегда жили. Что песок, ели и эта скала ждали именно их.

Вечером, после ужина, когда чай уже был налит, Кэйси сидела у костра и молча смотрела в огонь. Хлоя сидела рядом, привалившись к ней плечом, и никак не могла решить, спит она или смотрит в огонь.

— Ты чего молчишь? — спросила Хлоя, не открывая глаз.

— Ничего, — сказала Кэйси. — Смотрю.

— На что?

— На лес.

Хлоя открыла один глаз. За кухней, за скалой, лес вставал стеной — чёрный, спокойный, бесконечный. Ветра не было, и ели стояли неподвижно — все, до единой.

— И что ты там видишь? — спросила Хлоя.

— Ничего, — сказала Кэйси. — Вот это меня и смущает.

Глава 4. Рыбалка

За завтраком Джейк объявил день рыбалки так, как объявляют военную операцию.

— Так, экипаж. Сегодня у нас в программе — покорение озера. В смысле — рыбы. Рыбу мы покорим, засолим, запечём и съедим. Все, кто против, — поднимите лапы.

— Я за, — сказал Итан.

— Все за, — сказала Хлоя. — Но кто из нас вообще умеет ловить рыбу?

Пауза вышла длинная и красноречивая. Канистры с водой блестели на солнце. Где-то стучал дятел.

— Понятно, — сказала Хлоя.

— Я ловил, — уточнил Джейк. — Я говорил. В детстве, с дедом. На удочку.

— Сколько тебе было?

— Десять.

— Это не считается, — сказал Итан. — В десять лет все ловили рыбу. Я в десять лет был уверен, что смогу летать, если как следует разбегусь. То есть — не факт, что не могу, кстати, но речь не об этом.

— У нас есть удочки, — сказал Джейк. — Три удочки, два спиннинга, блёсна, леска, крючки — я всё проверил ещё в городе. Будем ловить. Первый раз не выйдет — выйдет со второго. Рыба в озере есть, я вот даже знаю, какая.

— Какая?

— Хариус.

Кэйси, которая до этого молча ела овсянку, подняла голову.

— Хариус? Тут?

— Ну да. Он в холодных озёрах живёт. Сиг, хариус, всякое такое.

Кэйси посмотрела на озеро — долго, как будто проверяла взглядом, есть ли в воде рыба, — потом сказала:

— Хариус — рыба придонная. Он держится ям и подводных гряд. У берега его не поймаешь удочкой, если не знаешь, где яма. — Она снова опустила взгляд в тарелку. — Мой папа за хариусом на озёрах ходил с эхолотом.

— Ну вот, — сказал Джейк с воодушевлением. — То есть он есть. Он тут есть. Значит, вопрос техники. Погнали, техники.

На берегу, у старых вешек — тех самых, с зарубками, — они разобрали снасти.

Удочки были простые, из спортивного магазина: телескопические, лёгкие, с леской и поплавками, о которых было непонятно, зачем они, — Итан в любом случае заявлял, что поплавок на озере «не работает», а работать должны «снасть и настроение». Спиннинг у Джейка был один, и тот, кажется, покупался ради картинки на коробке.

Закидывать учились долго. Хлоя на третьем забросе поймала крючком собственную кеду и громко объявила, что это первая жертва рыбалки и она её оплакивает. Итан запутал леску так, что распутывали втроём, и во время распутывания выяснилось, что виноват Джейк, — хотя следствие не установило, как именно, но виноват был Джейк, так постановил суд.

Не клевало. Час не клевало вообще. Потом в небе появился орёл — большой, тёмный; описал круг над серединой озера и ушёл за ели. Хлоя успела снять его, и все три минуты смотрели в небо вместо поплавков — это было лучшее время рыбалки за всё утро.

— Он на рыбалку вышел, — сказала Хлоя уважительно. — Профессионал.

— Пернатый шеф, — согласился Итан.

— Он знает, где ямы, — вдруг сказала Кэйси.

Все обернулись.

— Что? — спросил Джейк.

— Орёл. Он высматривает рыбу — и бьёт там, где рыба стоит. Там, где он кружил, — мелководье с грядой. Хариус с гряды выходит кормиться на край. — Она кивнула в сторону, противоположную их берегу, шагов на восемьдесят, где у воды в озеро уходила подводная коса, а за ней начиналась темнота. — Вон туда. Край косы. Попробуйте туда.

— Ты это откуда знаешь? — спросил Итан.

— Папин журнал. Я в детстве всё читала, что под руку попадалось.

Джейк переснастил удочки — и они перешли к косе, и через сорок минут Хлоя вытащила первую в своей жизни рыбу. Это был хариус — небольшой, с ладонь, с удивительным парусным плавником, переливающимся сиреневым и розовым, — и Хлоя визжала так, что, наверное, было слышно на противоположном берегу, если бы там кто-то был. Рыбу сфотографировали с пяти ракурсов, потом Джейк оглушил её и положил в ведро, и Хлоя сказала «прости» — рыбе, не Джейку, — и это вышло у неё так искренне, что все засмеялись, а она обиделась, и всё это тоже было хорошо.

А потом настал час Итана.

Это случилось просто и буднично, как случаются все большие события: поплавок качнулся, утонул, Итан дёрнул — и леска тонко звякнула, удилище выгнулось в дугу, и Итан крикнул нечто нечленораздельное.

— Держи! — заорал Джейк. — Не давай слабину! Хлоя, подсак! Где подсак?!

— У нас подсак? — растерянно спросила Хлоя.

— Конечно нет, — сказал Итан сквозь зубы. Он упирался пятками в песок, удилище гнулось в кольцо, и на другом конце, на невидимой глубине, что-то жило и тянуло его, как котёнка. — Он нам не нужен. Он — для слабаков.

Рыба ходила кругами, ныряла, выходила — и на третьем выходе они увидели её: серебристый бок, широкий, как лопата, и тот самый высокий парусный плавник, развёрнутый, с переливом, как витраж. Хариус был большой. Не «неплохой» — большой. Такой, про который сначала не верят, что он тут водится вообще.

— Сачок! Джейк, руками! — кричала Хлоя.

Джейк зашёл по пояс в воду — крикнул, что вода «оказывается, не жидкий лёд, а совсем ничего», — схватил рыбу поперёк, обеими руками, под жабры. И выволок.

Хариус лежал на песке и дёргался, и он был, честно, огромный — полметра с лишним, тяжёлый, с головой размером с кулак Итана.

Тишина длилась секунду. Потом Итан поднял руки над головой, как боксёр после нокаута, повернулся к озеру спиной — спиной! — и заорал в лес, в воду, в небо:

— ВЕЛИКИЙ! Я — ВЕЛИКИЙ! Запишите! Снимайте! Хлоя, снимай!

— Снимаю, — сказала Хлоя, снимая.

— Это трофей! Трофейная рыба! Такие на соревнованиях выигрывают! Мне надо медаль!

— Мне надо медаль, — повторил Итан. Он держал рыбу на вытянутых руках, как корону, и свет заходил за его плечо, и Хлоя снимала, и кадр получился тот самый: Итан, озеро, ели, рыба в лучах солнца. Позднее, в жизни Хлои, этот кадр будет существовать отдельно от всего остального — просто Итан и рыба, как будто так и надо.

— Дед бы мне позавидовал, — сказал Джейк уважительно.

— Дед бы тебе тоже позавидовал, — согласился Итан. — А я добыл сам. Я, между прочим, самый сильный в этой компании, и теперь ещё самый рыбный. Это официально. Хлоя, вычеркни из дневника всё, что я делал до этого момента, и запиши: «Итан — Великий».

— Дневник — документ, — сказала Хлоя. — Ничего не вычеркну. Но приписку сделаю.

Рыбу чистили у воды.

Джейк чистил — по-дедовски, уверенно, — и чешуя летела блёстками, а Итан стоял рядом и комментировал каждый надрез, как спортивный репортёр. Внутренности сгребли на

старый лист пластика — выкинуть подальше, в лес, решили позже; пока всё лежало у кромки воды, в стороне от лагеря. Кэйси посмотрела на эту кучу, на кровь, разбавленную полосками воды, и сказала только:

— Подальше от лагеря. Потом. Сегодня же.

— Смоет, — Джейк пожал плечами. — Вода тут сильная.

— Подальше. Потом.

Хариусов было три — Хлоин, Итанов и ещё один, пойманный Джейком уже на закате, скромный, без оркестра. Их обваляли в муке, которую Кэйси предусмотрительно собрала ещё в Уайтхорсе, и пожарили на решётке над углями — с солью, с лимоном, который никто не помнил, зачем брали, а он понадобился.

И это был тот самый вечер.

Костёр горел давно и ровно — дрова Итан наколол с самого утра и теперь сидел на своём бревне с видом человека, который всё предусмотрел. Рыба шипела и стекала жиром в угли, и каждый раз, когда капля падала, огонь на секунду вспыхивал ярче, и по озеру расползался запах — жареной корочки, дыма, соли. Запах этот был сильный, жирный, он стлался низко, над самой водой, и уходил вдоль берега — туда, где темнели вешки, где коса уходила в глубину, где за елями лежала долина, — и он был так хорош, что все четверо сидели молча, просто дыша им.

— Вот, — сказал наконец Итан. — Вот ради этого всё. Ради этого запаха. Если бы кто-то сказал мне в городе, что запах жареной рыбы — это моя жизненная цель, я бы не поверил.

— Запиши в дневник, — сказала Хлоя.

— Запиши.

Она записала. Она достала телефон и сказала в камеру:

— Дневник похода, день второй. Мы сегодня поймали трёх хариусов, один — размером с небольшую акулу, и Итан теперь хочет медаль. Шутка. Джейк чистит рыбу, как настоящий таёжник. Кэйси показала нам, где рыба, — потому что она читает папины журналы, и это, ребята, очень кстати. Скоро обещают жареную рыбу и три песни. Живём!

— Живём, — сказал Итан.

Потом была рыба — и она была так хороша, что никто не разговаривал первые пять минут, только издавали те звуки, которые издают люди, у которых получилось. Потом был чай, потом гитара, и Итан играл, и струна, порванная вчера, уже была заменена, и пели все, даже Кэйси, — тихо, вполголоса, но пела.

Джейк откинулся на локти и смотрел на огонь.

— Вот смотрите, — сказал он. — Через пять дней мы отсюда уедем. И у всех будет работа, учёба, всякое. И все будут вспоминать вот этот вечер. Этот конкретный. Мелочь, да? Рыба, огонь, гитара. А вспоминать будут все.

Кэйси сидела чуть в стороне, у самого огня, и смотрела не в костёр — мимо него, на тёмную воду. Запах жира тянулся от кухни, от решётки, от костра — ровный, тёплый, съедобный. Озеро лежало чёрное, без единого огонька на другом берегу, и не было ни ветра, ни звука — только потрескивали дрова и перекрикивались где-то вверху кулики.

Кэйси встала, подошла к решётке и, когда никто не видел, прошлась по ней ладонью — быстро, сильно, — чтобы смахнуть остатки жира. Потом ополоснула руки в озере, до локтя.

— Кейс, чего ты? — спросила Хлоя, оглянувшись.

— Так, — сказала Кэйси. — Просто руки помыла.

Глава 5. Нагишом

К одиннадцати вечера озеро стало медным.

Солнце не садилось — оно ложилось на дальний склон и растекалось по нему, и вода подхватывала этот свет и несла его к ближнему берегу длинными дрожащими полосами. Воздух был тёплый, костровый, пах дымом и хвоей, и рыба, съеденная два часа назад, сидела в каждом тёплым камнем.

И вот в этой тёплой, сытой, медной тишине Итан встал, потянулся и объявил:

— Так. Официальная часть вечера. Купание. Нагишом. Кто со мной?

— Ты серьёзно? — спросила Хлоя. — Там же ноль градусов. Минус ноль, я проверяла ногой, помнишь?

— Проверяла ногой — и чего? Стала, живая. Значит, купаться можно.

— Твоя логика — это позор семьи.

— Я смелый.

— Ты жирный. У тебя теплоизоляция. А мне нечем греться, я вся из нервов.

— Это звучит как личная проблема, — сказал Итан и уже стягивал через голову футболку.

Кэйси подняла бровь:

— Вы серьёзно сейчас?

— А что такого? — Джейк уже расстёгивал кроссовки. — Никого на сотню километров. Ночь. Вода. Когда ещё?

— Вода ледяная.

— Вода освежающая.

— Вода с ледника. Ты сам говорил — с ледника, — напомнила Хлоя.

— Ледниковая — значит, чистейшая, — Джейк снял футболку, и Итан, уже стоя в одних трусах, сказал торжественно:

— Джентльмены идут первыми. Это протокол. Дамы могут наблюдать и готовить горячий чай к нашему возвращению.

— Дамы будут наблюдать, — согласилась Хлоя, доставая телефон. — И снимать. На память. На чёрный день.

— Не «на чёрный», — сказал Итан. — На хороший. На лучший.

И они пошли.

Парни вошли в воду по-разному, как и были устроены. Джейк — решительно, с разбегу: нырнул, вынырнул с воплем, в котором было и «а-а-а», и «господи», и что-то нечленораздельное. Итан — осторожно, по ступеньке: колено, пояс, вдох-выдох — и тоже нырнул, и вынырнул молча, только глаза белые и круглые.

— НУ ЧТО?! — заорал Джейк. — НУ КАК ТАМ?!

— ХО-ХО-ХО! — ответил Итан. Это был не смех — это был звук человека, чьё тело протестует всеми органами сразу, а душа счастлива. — ХО-ХО-ХО! СЮДА! ЗАХОДИ! Вода… Вода… — он подбирал слово, — вода ГОЛОСИСТАЯ!

— Она что?

— ОНА КРИЧИТ! ВНУТРИ КРИЧИТ!

Хлоя сняла это всё на видео: Джейка, барахтающегося на спине и орущего, Итана, машущего руками, — и много дней спустя этот ролик станет у неё одним из самых пересматриваемых. Просто два дурака в ледяной воде, которых до слёз смешит холод.

— ДЕВЧОНКИ! — заорал Джейк с воды. — ЧТО ВЫ ТАМ СИДИТЕ?! ЖИЗНЬ ПРОХОДИТ!

— МЫ ЖДЁМ, ПОКА ВЫ УТОНЁТЕ! — крикнула Хлоя.

— МЫ НЕ УТОНЕМ, МЫ НЕПОТОПЛЯЕМЫЕ!

— ИТЫ, У ТЕБЯ ЖЕ НОГИ УЖЕ СИНИЕ!

— ЭТО ЗАГАР!

Кэйси сидела на бревне и смотрела. Она смеялась — тихо, в кулак, — но не раздевалась.

— Кейс, — Хлоя толкнула её локтем. — Пойдём?

— Я потом. Может.

— Может, — повторила Хлоя. — Ты вечно «может». Всё «может» да «может». Жизнь — это не «может», Кейс. Жизнь — это «пошли».

И она встала и начала стягивать футболку — и это было так неожиданно, потому что Хлоя вообще-то стеснялась своего худого, угловатого тела, — что Кэйси даже выпрямилась.

— Ты серьёзно?

— Я сегодня смелая. Мне двадцать, у меня всё впереди, и я купаюсь голая в ледяном озере. Где-то в параллельной вселенной я этого не сделала — и та Хлоя, наверное, до сих пор жалеет. — Хлоя скинула шорты, постояла секунду на песке — тоненькая, светлая в медном свете, похожая на цаплю, — и побежала в воду с воплем, который было слышно, наверное, в Уайтхорсе.

Вода сомкнулась.

— А-А-А-А-А! — это было уже не слово, а звук.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! — гаркнул Итан.

— ЗА ЧТО! — Хлоя вынырнула, откинула мокрые волосы с лица и уставилась на них с искренним, чистым возмущением. — За что! Вы же молчали! Вы же оба молчали, когда заходили!

— Мы взрослые мужчины, — сказал Джейк с достоинством. — Мы держим лицо.

— У меня всё лицо в воде, — сказала Хлоя. — Вся жизнь — лицо в воде. — И она нырнула, и схватила Джейка за ногу, и Джейк взвыл так, что взвыло эхо на противоположном склоне.

Потом была Кэйси.

Она сидела на бревне ещё минуты две. Потом встала, сняла футболку, сложила её — аккуратно, по-кэйсински, — потом шорты. Постояла. Медный свет лёг на её плечи, и Джейк, который видел её, конечно, не впервые, всё равно смотрел, как в первый раз, и Итан дёрнул Хлою под воду, чтобы не подглядывала, а Хлоя вынырнула и сказала: «Ну ты красотка, чего ты стеснялась-то всю жизнь», — и Кэйси засмеялась, смущённо, по-настоящему.

— Она заходит, — сообщил Итан тихо, торжественно.

— Она заходит, — повторил Джейк.

И Кэйси вошла в воду — медленно, до пояса, до груди, зажмурившись, — и не закричала, а только выдохнула один длинный, страшный, еле слышный звук, как будто ей выдрали зуб, — и осталась стоять, и вода держала её, и она открыла глаза.

— Ну? — спросила она.

— Ну, — сказал Джейк.

— Действительно, — сказала она, — голосистая.

И все четверо засмеялись, и смех этот был простой и лёгкий, как бывает только у молодых людей в тёплую ночь, которым ничего не угрожает, — и они плавали, и ныряли, и Хлоя пыталась стоять на руках под водой, и у неё не получалось, и она показывала это всем, и все требовали повторить, и она повторяла.

— Смотрите, — сказал потом Итан. Он лежал на спине, глядя в высокое светлое небо, где уже проступали бледные, неплотные звёзды. — Вот сейчас. Вот эта минута. Мы её запомним. Все четверо. Гарантирую: через двадцать лет мы будем вспоминать эту минуту и говорить: вот там, тогда, мы были счастливы по-настоящему. Смотрите, запоминаем. Раз. Два. Три…

— Ты как будто прощаешься, — сказала Хлоя.

— Я не прощаюсь. Я записываю. Это разные вещи.

Беда случилась, когда они вылезали.

Вылезали все по-разному, но одеваться собирались у воды, где сложили вещи, — и вот тут Хлоя увидела Итановы шорты, которые лежали на песке, добрые, сухие, ожидающие хозяина, и в голове её родилась идея, которую она потом всю жизнь будет считать лучшей в своей жизни.

— Итан, — сказала она сладко. — Итан, подойди, тут тебе посылка.

— Чего?

— Сюда, сюда.

И когда Итан, доверчивый, подошёл, Хлоя схватила его шорты и с размаху зашвырнула их в озеро.

— НЕСЧАСТЬЕ ПОСТИГЛО! — заорала она. — ТЕБЯ ПОСТИГЛО НЕСЧАСТЬЕ!

— АЙ! — заорал Итан. — Мои шорты! Хлоя! Ты понимаешь, что ты сделала?! Это ограниченная серия!

— Они плавают! Смотрите, они плавают, как утка!

И вот тут — тут-то и началось. Потому что Итан побежал за шортами, а Джейк побежал за Итаном, чтобы столкнуть его обратно в воду, а Хлоя схватила Итанову футболку и зашвырнула её следом, а потом — уже в полном беспределе — из рук в руки пошли все вещи: Итанова футболка, Итановы трусы, которые он, к счастью, не надел, Итанова кепка…

— Кепку не надо! Кепка — память! — кричал Итан с середины озера, где он боролся с тонущими шортами.

— ВСЁ ПОСТИГЛО НЕСЧАСТЬЕ! — неслась Хлоя.

И Джейк, которому уже было двадцать четыре и который всё-таки был старшим, схватил Итанову куртку — лёгкую, туристическую, оранжевую, — и замахнулся, чтобы кинуть в воду, и уже занёс…

— Джейк! — крикнула Кэйси. — Джейк, не надо!

— Чего?!

— Там карманы! В карманах же вещи! Не кидай!

Джейк остановился. Куртка была тяжёлая, неправильная — Итан всегда таскал в ней всякое.

— А, ну да, — сказал он и, вместо того чтобы бросить, аккуратно повесил её на сук ближайшей ели. — Умница, Кейс. Слушай, Кейс, а ты прикольная, когда не «слишком тихо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.